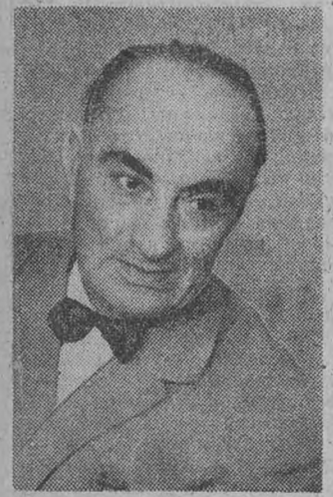
ЗАРЯ ВОСТОКА

20 АВГ 1971
ЗАРЯ ВОСТОКА
Тбилиси

Лауреаты Государственной премии имени Ш. Руставели

«ЗА РОЛИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ...»



ИМЕННО так, лаконично и четко, был определен смысл присуждения актеру Васо Годзиашвили Государственной премии имени Ш. Руставели.

Последние роли Годзиашвили родились не вдруг, они создавались годами. Есть у них начало, есть продолжение. Зрелость, помноженная на мастерство, отлилась в них рельефно и зримо, отразив, как в фокусе, то характерное и своеобразное, что неразрывно связано с нашими представлениями об этом удивительном актере, о его художнической индивидуальности.

Васо Годзиашвили — актер огромной творческой потенции, актер-универсал, великолепно отразивший в своей практике причудливые переплетения жанрового и стилистического многообразия, которое учитель его, Котэ Марджанишвили, определял, как искусство актера синтетического театра. Приверженность к смелости, броскости сценических решений, тяготение к остроте внешней формы, откровенная неподвластность этой формы какому бы то ни было стереотипу всегда отличают исполнение Годзиашвили и дают ему право творить одинаково свободно на крайних полюсах различных сценических обстоятельств. Его Луарсаб Таткаридзе и Ричард III, скоморох Гудерехвай и де Сантос, Хлестаков и Филипп II свидетельствуют о широте актерского диапазона Годзиашвили, его богатых и разнообразных творческих возможностях. Но самое удивительное, что эти возможности проявляются в своей неповторимости не только в различных жанрах (высокая трагедия — «низменная» комедия), но и внутри одного жанра. В особенности это относится к его комедийным ролям. Ощущая жанр комедии гораздо шире возможностей собственно жанра, он всякий раз гарантирует себе полную свободу действия на самых тончайших гранях комического. Актер в совершенстве познал эти грани, и они широко простираются в его творческой палитре: от монументального эпического гротеска до водевильной, импровизационной легкости. Так было всегда. Так обстоит дело и с его ролями последних лет. С теми ролями, за которые удостоился он звания лауреата Руставелевской премии.

Что это за роли? Прежде всего, Луарсаб Таткаридзе — сценический шедевр актера, его открытие, его творческий подвиг.

Подвигом было уже само вторжение в сферу бессмертного творения Ильи Чавчавадзе, которое, как известно, отнюдь не предназначалось для сцены. Созданное в манере описательного прозаического повествования, произведение И. Чавчавадзе должно было подвергнуться тщательной трансформации и воплотиться в нечто качественно новое и потому особенно рискованное в плане зрительского восприятия. «Точность» попадания в цель была не только необходима, она становилась единственным мерилом в оценке художественной ценности нового произведения искусства и, в первую очередь, исполнения роли главного героя.

Васо Годзиашвили был смел и безошибочен в своем прицеле. Нельзя не вспомнить сегодня, что свои первые шаги на пути овладения литературным материалом он делал рука об руку с выдающимся режиссером Васо Кушиташвили. С тех пор прошло немало лет. Годы не только не стерли накопленного, но, напротив, укрепили позиции актера. И сейчас уже трудно, просто невозможно, представить себе иным портрет Луарсаба. Актер, становясь соавтором, достигает того высшего реализма, когда в своей объективности он поднимается до больших социальных и художественных обобщений, охватывающих целую эпоху и ее конфликты.

Фантазия актера выходит далеко за пределы реального. Все выглядит в Луарсабе одиозным, невероятным, гиперболичным. Театр, следуя за прозаическим материалом, допускает эту неправду. Ради правды. «Какое мне дело, сколько бровей и носов у актера? — говорил в свое время К. С. Станиславский. Пусть у него будет четыре брови, два носа, дюжина глаз, пусть. Раз что они оправданы, раз что внутреннее содержание актера так велико, что ему не хватает двух бровей, одного носа, двух глаз для выявления созданного внутри беспредельного духовного содержания».

Васо Годзиашвили идет именно этим путем. Актер неотразимого сценического обаяния, он не боится быть подчеркнуто смешным, несуразным, уродливо непривлекательным. Его Луарсаб обладает не одним, а тремя животами, не одним, а тремя подбородками, — заплывшей жиром свинячей шеей, маленькими тупыми и бессмысленными глазами, бесформенными конечностями, лицом, потерявшим человеческий облик. Все в этом облике свидетельствует о кретинизме, все, включая и ритм его поведения, и каждую деталь в его повадках.

От монументального, эпического гротеска до водевильной легкости... Подобные скачки Васо Годзиашвили проделывает с невероятной легкостью, непринужденно, «невесомо», виртуозно.

Его «Старинные водевили», которые также отмечены премией и в которых выступает он в трех актерских обликах, да еще как режиссер-постановщик, и впрямь подтверждают сказанное. Непринужденность и легкость врывается на сцену с первым же появлением старого водевильного актера, который просит у публики внимания, снисхождения, ласки и сразу втягивает зал в водоворот невероятных сценических превращений. Осмысливая эти превращения глазом современника, режиссер-постановщик как бы увлекает зрителя в игру, не забывая при этом предупредить его, что приемы игры утрированы и условны, что водевильные трюки и штампы не стоит принимать всерьез, что сторонний взгляд на них попросту необходим, что только так, в причудливом переплетении прозаического и достоверного, современного и традиционного имеет право на существование сама природа «старинного» водевиля. Непрестанное тяготение Годзиашвили к броскости и театрализации формы проявилось и в его режиссерском замысле и в трех его актерских работах.

Сцена на сцене. Театр в театре. Здесь все предопределяет размах в выборе выразительных средств, рождает необходимые предпосылки для стремительности действия, для искрящегося веселья и подлинной сценической праздничности. И можно себе представить, как здорово живется в этом празднике Васо Годзиашвили! Кажется, нет предела его виртуозности, технике, музыкальности, пластичности, почти непостижимому дару импровизации, его неисчерпаемой, бьющей через край фантазии.

За роли последних лет... Услов этих и впрямь нет конца... Смысл их поистине беспределен, как, впрочем, беспредельна и сама жизнь актера в искусстве.

Васо Годзиашвили это уже доказал. Совсем недавно он поразил нас еще в двух ролях, сыграв короля Филиппа II в трагедии Ф. Шиллера «Дон Карлос» и старого циркового клоуна в пьесе А. Корнейчука «Память сердца». А впереди у актера — большие творческие планы, большая дорога, новые откровения и новые победы.

Этери ГУГУШВИЛИ.